

# «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России

Катанандов С. Л.<sup>1</sup>, Межевич Н. М.<sup>2, 3, \*</sup>, Солодилов В. В.<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

<sup>2</sup>Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

<sup>3</sup>Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; \*mez13@mail.ru

## РЕФЕРАТ

Проблема повышения эффективности местного самоуправления в Российской Федерации отличается особой сложностью. Географические и исторические предпосылки работают против обеспечения экономической эффективности и пропорционального политического представительства. Концепции сельских агломераций и сельских ассоциаций населенных пунктов могут рассматриваться как поисковые направления в поисках решения проблемы «эффективность или равенство». Северо-Запад России может рассматриваться как эффективный полигон отработки новых управленческих подходов.

*Ключевые слова:* сельские агломерации, сельские ассоциации населенных пунктов, местное самоуправление, города, расселение, урбанизация, управление

**Для цитирования:** Катанандов С. Л., Межевич Н. М., Солодилов В. В. «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 9–17.

## “Rural Agglomerations” and “Rural Associations of Settlements” — Possible Directions for the Development of Local Self-Government in the North-West of Russia

Sergey L. Katanandov<sup>1</sup>, Nikolay M. Mezhevich<sup>2, 3, \*</sup>, Victor V. Solodilov<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation

<sup>2</sup>Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

<sup>3</sup>Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; \*mez13@mail.ru

## ABSTRACT

The problem of improving the effectiveness of local self-government in the Russian Federation is particularly complex. Geographical and historical prerequisites work against economic efficiency and proportional political representation. The concepts of rural agglomerations and rural associations of human settlements can be considered as search directions in the search for a solution to the problem of “efficiency or equality”. The North-West of Russia can be considered as an effective training ground for the development of new management approaches.

*Keywords:* rural agglomerations, rural associations of settlements, local self-government, cities, settlement, urbanization, management

**For citing:** Katanandov S. L., Mezhevich N. M., Solodilov V. V. “Rural Agglomerations” and “Rural Associations of Settlements” — Possible Directions for the Development of Local Self-Government in the North-West of Russia // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 9–17.

Реформирование местного самоуправления представляет собой классическую управленческую задачу, неизбежно решаемую любым государством, где представлен этот уровень власти. При этом назвать эту задачу простой, легко решаемой, невозможно. Дилемма «эффективность или равенство», характерная для всей региональной политики, имеет свою проекцию и на этот уровень.

Специфика социально-экономического развития России продолжает определяться достаточно высокой долей негородского населения (около 30%), значением малых городов и уникальным развитием полугородского образа жизни [2]. За последние 100 лет Россия превратилась из аграрной в высокоразвитую индустриальную державу, а процесс урбанизации достиг таких масштабов, что структура городского и сельского населения к концу XX в. как бы перевернулась с ног на голову: в начале века в России было около 30% городского населения и 70% — сельского, а к концу века наоборот — 70% городского и 30% сельского [3, с. 57]. Понимание нетривиальности протекания процессов урбанизации в СССР привело к появлению уникального документа<sup>1</sup>.

В дальнейшем была сделана попытка частично вернуться к той части советских практик, которые выдержали проверку временем. Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 апреля 1999 г. № 370 были приняты «Основные требования к разработке и согласованию Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и Основных положений Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации». Затем были предприняты еще несколько попыток. В любом случае «Основными идеями Генеральной схемы расселения были выявление опорного каркаса расселения страны и концепция взаимосвязанного расселения, предполагающая формирование групповых систем населенных мест на базе существующих городских агломераций» [6, с. 23]. Подчеркнем: города. Неравномерность системы расселения, отягощенная неоптимальной «нарезкой» муниципальных образований — признанный факт практически для каждого высокоурбанизированного общества с законодательно оформленной системой местного самоуправления. Для преодоления системного кризиса сельских территорий необходимо решение двух различных, хотя и взаимообусловленных, задач. Первая из них — формирование социально-экономических условий и предпосылок развития экономики, основанной на приоритете права на предпринимательскую деятельность. Постепенное становление экономики сельских территорий раскроет их действительный потенциал, обозначит вектор пространственного развития [5]. Теоретическая задача достаточно очевидна, проблема в практической реализации.

Процессы урбанизации в XXI в. изменили не только темп, но и направленность, во многом повторяя тенденции, которые ранее проявились в развитых странах. Вокруг крупных и средних городов со все большей скоростью начали формироваться системы расселения, имеющие определенное сходство с метрополитенскими ареалами в США. Как отмечал выдающийся российский экономико-географ Л. В. Смирнягин, специалист по географии США, «Знакомые западные процессы урбанизации на российской почве сильно преобразуются, что можно видеть, в частности, на примере субурбанизации, то есть освоения горожанами пригородной территории. У нас, в отличие от Запада, речь идет не о переселении в пригород, а о садовых участках и дачах, которыми обладает большинство жителей городов, то есть о втором доме, а не первом и единственном» [11, с. 59]. Отметим, что к границам подобных ареалов и примыкают собственно сельские системы расселения. Этот принцип характерен, например, для Петрозаводска, где

<sup>1</sup>Основные положения Генеральной схемы расселения на территории СССР на период до 1990 г. и прогнозы развития систем расселения на период до 2000 г. М., 1975.

за относительно новым дачным ареалом существует традиционная разреженная система сельского расселения.

По расчетам одного из экспертов, в 2019 г. в России примерно 42% населения проживают в городах, насчитывающих свыше 250 тыс. жителей, и еще 17% проживают в зонах функционального влияния этих городов [9, с. 54]. Отметим, что для целей данной статьи особое значение имеет последняя цифра. Именно она показывает потенциал возможностей для сельских агломераций. Равным образом эти цифры говорят и о проблемах, диагностированных достаточно давно [7].

Существуют объективные предпосылки организации именно такой системы местных самоуправлений. Наличие значительного количества сельских поселений с низким уровнем постоянно проживающего населения объясняется тем, что при утверждении границ сельских поселений соблюдался принцип, установленный частью 1 статьи 11 Федерального закона № 131-ФЗ. Согласно закону, границы сельского поселения, в состав которого входят два и более населенных пункта, как правило, устанавливались с учетом пешеходной доступности до его административного центра и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в его состав. Как известно, в условиях бездорожья уже на расстоянии, превышающем 4 км, население в два раза реже обращается за медицинской помощью [13, с. 79]. Транспортная доступность радикально влияет на качество услуг. Советская и постсоветская инфраструктура (почта — магазин — банк — школа — фельдшерский пункт) свертывается и заменяется на дистанционное обслуживание во всех возможных случаях, вплоть до получения продуктов почтой и дистанционного медицинского обслуживания. Это означает и определенные управленческие издержки.

Причины указанного положения известны. В России больше половины муниципалитетов не имеют финансовой самостоятельности. Доходов не хватает даже для того, чтобы обеспечить зарплату своим чиновникам. Но, как отмечают губернаторы, местные самоуправления при этом не хотят объединяться с более эффективными соседями. «Объясняем, что укрупнение даст нам возможность решать вопросы в рамках региональных программ. Но нет, говорят, мы хотим быть самостоятельными, руководить. Так тогда ищите источники доходов, придите с проектами, предложениями. Но чаще ведь — ноль проектов, ноль предложений»<sup>1</sup>. Объективности ради отметим, что в постсоветской практике это классическая ситуация [8; 15]. Проблемное ядро выявлено не только экономистами и географами, но и политологами: «Малое локальное сообщество с относительно гомогенным населением в принципе обладает высокой общностью интересов, и в его рамках мнение отдельных граждан довольно значимо. Однако встает вопрос об эффективности работы МСУ, обусловленный малым объемом ресурсов, которыми располагает такой муниципалитет. Скорее всего, мы не можем передать общине большой объем полномочий под самостоятельное финансирование, но тогда мы вынуждены либо отдавать их вышестоящим местным/региональным органам государственной власти... либо финансировать общины сверху...» [12, с. 18]. Но как выходить из данного положения в условиях закономерного дефицита финансовых ресурсов?

В этом контексте задавать вопрос экономистам и политологам бессмысленно. Перед нами управленческая проблема. Возможно, конструирование ассоциаций населенных пунктов и/или сельских агломераций — шаг в правильном направлении. Само понятие «сельская агломерация» еще долго будет вызывать вопросы. Тради-

<sup>1</sup> Прокладка между рулем и сидением: Александр Дрозденко о неэффективных руководителях на местах [Электронный ресурс]. URL: <https://online47.ru/2021/02/02/prokladka-mezhdu-rulem-i-sideniem-aleksandr-drozdhenko-o-neeffectivnykh-rukovoditelyakh-na-mestakh-124407> 13.04.2021.

ция, про которую уместно сказать — вековая, предлагает агломерации считать именно городскими [1; 10; 14]. При этом исследования влияния городов на прилегающие сельские территории, равно как и обратные процессы, характерны уже для первых классиков советской экономической географии [4]. Тем не менее сам понятийно-терминологический блок «городская агломерация» предполагает наличие не только городских, но и еще каких-то агломераций.

Практическим основанием для подготовки данной статьи стало Приложение № 11 к государственной программе Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (дополнительно включено с 18 октября 2019 года постановлением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2019 года № 1332) с изменениями на 31 марта 2021 г., использующее понятия «сельские территории» и «сельские агломерации».

В данном приложении вводятся и определения этих понятий, которые цитируются ниже по тексту. «Сельские территории» — сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района; сельские населенные пункты, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации); сельские населенные пункты, входящие в состав внутригородских муниципальных образований г. Севастополя; рабочие поселки, наделенные статусом городских поселений; рабочие поселки, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации).

«Сельские агломерации» — сельские территории, а также поселки городского типа и малые города с численностью населения, постоянно проживающего на их территориях, не превышающей 30 тыс. человек. Перечень сельских агломераций на территории субъекта Российской Федерации определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации или уполномоченным органом. В указанное понятие не входят внутригородские муниципальные образования Москвы и Санкт-Петербурга.

Эти же понятия используются (со ссылкой на упомянутое приложение № 11) и в тексте приказа от 10 июня 2020 г. № 313 Минсельхоза России «Об утверждении порядка отбора проектов комплексного развития сельских территорий или сельских агломераций». Закономерно возникают вопросы по поводу такого официального применения термина «сельские агломерации». Выделим следующие ключевые моменты:

1. Данные официальные документы не предлагают никаких методологических оснований и методических установок для выявления, идентификации, а также для исследования формирования и развития таких «сельских агломераций». Поэтому не совсем понятно (а скорее, совсем пока не понятно): чем будут руководствоваться в своей весьма нетривиальной работе составители перечней таких «сельских агломераций»?
2. Как рабочие поселки, поселки городского типа и малые города с численностью населения, постоянно проживающего на их территориях, не превышающей 30 тыс. человек, могут образовывать «сельские агломерации»? И как тогда быть с остальными малыми (30–50 тыс. жителей), а также и средними (50–100 тыс. жителей) городами? Ведь все признанные научным сообществом критерии выделения городских агломераций исходят из того, что город-центр, центр — ядро городской агломерации должен иметь не менее 100 тыс. жителей. То есть что, эти вот малые и средние города должны участвовать в формировании, например, «сельско-городских агломераций»?

Даже самые «настоящие» по своей сути «сельские агломерации», в формировании которых не участвуют рабочие поселки, поселки городского типа и малые города, если отчетливо проявляется процесс их агломерирования, начинают неизбежно урбанизироваться. «Комплексное развитие сельских территорий или сельских агломераций» активизирует именно эти процессы, и они все менее и менее в процессе своего развития становятся «сельскими». Тем более быстро начинают урбанизироваться «сельские агломерации», которые формируются на основе развития входящих в их состав поселков городского типа и малых городов.

Введение в официальный и научный оборот такого понятия и термина, как «сельская агломерация», в определенном смысле оправдано, но, как представляется, требует уточнения и развития. Введение этого понятия базируется на общепринятых в науке представлениях о самоорганизации, самозамыкании территориальных структур, имманентной природе границ таких структур, соответствующих им таксонов.

Предлагаем использовать не только термин «сельские агломерации», но и понятийно-терминологический блок «ассоциации населенных пунктов», в число которых включим и «сельские ассоциации населенных пунктов».

Ниже приводим некоторые тезисы по поводу понимания этой темы, которую необходимо развивать, в том числе для целей совершенствования управления развитием территорий, в частности, и для целей совершенствования управления развитием преимущественно руральных территорий. Что должно со временем усовершенствоваться и соответствующие нормативные правовые документы.

Ассоциации населенных пунктов (АСНП) — особый тип систем расселения с центрами (ядрами), имеющими менее 100 тыс. жителей и объединяющими группу населенных пунктов (НП) с совместно используемыми ими межселенными территориями в единое, целостное, континуальное территориальное образование.

Важнейший территориально-структурный критерий для достаточно сформировавшихся АСНП — наличие ядра (ядер) и населенных пунктов — спутников этого ядра (этих ядер).

АСНП можно подразделять на виды, руководствуясь степенью урбанизации — рурализации их территорий, а также их размерной классификацией и другими критериями.

Можно таким образом выделять следующие виды АСНП: сельские, сельско-городские, полугородские и городские ассоциации населенных пунктов.

Так, для моноцентрических сельских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- людность ядра ассоциации должна быть не менее 3, но и не более 10 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 15 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее пяти НП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 40 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре агломерации, должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Для моноцентрических сельско-городских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- в составе ядра ассоциации должно быть не менее одного ГНП, людность ядра ассоциации должна быть не менее 10, но и не более 20 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 30 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее одного ГНП, а также не менее семи СНП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 50 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре ассоциации должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Соответственно, для моноцентрических полугородских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- людность ядра ассоциации должна быть не менее 20, но и более 50 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 50 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее трех ГНП, а также не менее девяти СНП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 60 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре ассоциации должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Для моноцентрических городских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- людность ядра ассоциации должна быть не менее 50, но и более 100 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 150 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее пяти ГНП, а также не менее двенадцати СНП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 70 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре ассоциации, должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Для Северо-Запада России и Карелии большинство ориентиров достижимо, разумеется, если не брать зоны очагового расселения.

При идентификации всех обозначенных видов АСНП для выполнимости предложенных критериев идентификации, конечно, могут быть исключения, но необходимо обязательно при этом убедительно обосновывать применимость таких ис-



ключений. В общем, полностью формализовать такую работу невозможно, но в значительной степени ее систематизировать и сделать более убедительной, по мнению авторов, можно.

В связи с введением в научный оборот понятия и термина «ассоциация населенных пунктов», следует обсуждать, наряду с понятийным рядом «агломерация — агломерационный процесс — агломерационный эффект — агломерационная инфраструктура», понятийный ряд «ассоциация — ассоциационный процесс — ассоциационный эффект — ассоциационная инфраструктура».

Получается, что конкретная территория с ее населением, экономикой, инфраструктурным оснащением может участвовать одновременно, а в чем-то и параллельно, в развитии как агломерационных (экономических), так и ассоциационных (политических, управленческих) процессов.

Кроме того, важно осознавать, что тема формирования и развития АСНП есть только часть более общей, контекстной темы «сопряженное развитие структур городского и сельского расселения», которую необходимо обсуждать и разрабатывать. Далее отметим, что, хотя и есть уже отдельные, очень немногие и не во всем, удачные примеры обращения к этой теме в научных публикациях, проблему эту они пока точно не решают. Но анализировать такие публикации, отталкиваясь от них, базироваться в чем-то на них можно и, конечно, нужно.

С нашей точки зрения, одним из решений проблемы опустошения и обезлюдения российского села может стать создание и развитие сельских агломераций. Но оно тоже делает при этом акцент на процессе сближения и „сращивания“ в единый массив застроенной территории близко расположенных населенных пунктов.

Закключение. Постановка вопроса о реформировании местного самоуправления абсолютно логична. В соседних с Северо-Западом России Эстонии и Латвии за постсоветский период прошло три крупных реформы системы местного самоуправления. Это закономерно. Меняются экономические, политические, демографические условия — меняется система местного самоуправления. В этом контексте тезис о том, что система местного самоуправления единожды определена на века, представляется антинаучным.

Особенность российских подходов к местному самоуправлению связана с тем, что схема местного самоуправления для Карелии и Адыгеи, Псковской области и Красноярского края не может быть единой. Да, безусловно, существуют общие вызовы финансового и управленческого характера, но и различия весьма и весьма значительны.

Северо-Запад России, в свою очередь, крайне неоднороден. Петербургская агломерация по характеру хозяйственной освоенности вполне европейская, однако граничит с зоной тайги в прямом и переносном смысле. Российский Север — это не только Сибирь и Дальний Восток, но и вполне европейская Карелия в шести часах поездом от Петербурга и в 13-и от Москвы. При этом пред нами уже принципиально иная территория, с точки зрения возможностей для местного самоуправления. Концепция сельских агломераций и управленческая модель ассоциаций сельских населенных пунктов могут быть взаимодополняющими подходами к реформированию местного самоуправления Северо-Запада России и, в том числе, Карелии.

## Литература

1. Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред.-сост. П. М. Полян, А. И. Трейвиш, Т. Г. Нефедова. М. : ОГИ, ИГ РАН, 2001. 586 с

3. *Дмитриев А. В., Лола А. М., Межевич М. Н.* Где живет советский человек: социальные проблемы управления расселением. М., 1988.
4. *Константинов О. А.* Опыт изучения влияния особенностей района на характер городских поселений // Труды института инженеров коммунального строительства. Л., 1934.
5. *Костяев А. И.* Сельские территории северо-западного российского приграничья: проблемы и пути развития // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 93–113.
6. *Лебединская Г. А.* К вопросу о применимости отечественных концепций взаимосвязанного расселения 1970–1980 годов в современных условиях // Градостроительство. 2012. № 3 (19). С. 23–28.
7. *Ляликов Н. И.* Некоторые вопросы плотности населения в географической литературе // Вопросы географии. Сб. 5 : География населения. М. : Географгиз, 1947. С. 86–98.
8. *Межевич Н. М., Болотов Д. А.* Двойная периферия: феномен российско-белорусского пограничья // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1 (64). С. 117–122.
9. *Райсих А.* Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 54–96.
10. *Скутин В. А.* Городские агломерации как объект экономико-географического исследования // Размещение производительных сил Урала. Свердловск, 1979.
11. *Смирнягин Л. В.* Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. 2007. Т. 11, № 1. С. 56–71.
12. *Туровский Р. Ф.* Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2. С. 13–30.
13. *Филина В. Н.* Транспортная стратегия России: основные принципы и приоритетные направления развития инфраструктуры // Проблемы прогнозирования. 2005. № 2. С. 78–97.
14. *Фомин И. А.* Количественные признаки городских агломераций // Градостроительство. Районная планировка. Городские агломерации. Киев, 1968.
15. *Шамахов В. А., Кузнецов С. В., Межевич Н. М.* Реформирование местного самоуправления: опыт государств Прибалтики и его значение для России // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 10–19.

#### Об авторах:

**Катанандов Сергей Леонидович**, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Специальный представитель Губернатора Санкт-Петербурга по вопросам развития государственного строительства и взаимодействия с субъектами Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент; katanandov-sl@ranepa.ru

**Межевич Николай Маратович**, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

**Солодилов Виктор Владимирович**, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук; solodilov.55@mail.ru

#### References

1. Antonov E. V. Urban agglomerations: approaches to isolation and delimitation // Contours of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2020. V. 13. N 1. P. 180–202. (In rus).
2. City and village in European Russia: a hundred years of change / ed. P. M. Polyani, A. I. Treivish, T. G. Nefedova. M.: OGI, IG RAS, 2001. 586 p. (In rus).
3. Dmitriev A. V., Lola A. M., Mezhevich M. N. Where the Soviet man lives: social problems of settlement management. M., 1988. (In rus).
4. Konstantinov O. A. Experience of studying the influence of the characteristics of the district on the nature of urban settlements // Proceedings of the Institute of Municipal Construction Engineers. L., 1934. (In rus).
5. Kostyaev A. I. Rural territories of the North-Western Russian border: problems and development paths // Baltic region [Baltiiskii region]. 2019. V. 11, N 4. P. 93–113. (In rus).



6. Lebedinskaya G.A. On the question of the applicability of domestic concepts of interconnected resettlement of 1970–1980 in modern conditions // Urban planning [Gradostroitel'stvo]. 2012. N 3 (19). P. 23–28. (In rus).
7. Lyalikov N.I. Some issues of population density in geographical literature // Questions of geography. V. 5: Geography of the population. M.: Geography, 1947. P. 86–98. (In rus).
8. Mezhevich N.M., Bolotov D.A. Double periphery: the phenomenon of the Russian-Belarusian border // Economics of the North-West: problems and development prospects [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2021. N 1 (64). P. 117–122. (In rus).
9. Raisih A. Defining the boundaries of urban agglomerations of Russia: creating a model and results // Demographic review [Demograficheskoe obozrenie]. 2020. V. 7, N 2. P. 54–96. (In rus).
10. Skutin V.A. Urban agglomerations as an object of economic and geographical research // Placement of the productive forces of the Urals. Sverdlovsk, 1979. (In rus).
11. Smirnyagin L.V. Difficult future of Russian cities // Pro et Contra. 2007. V. 11, N 1. P. 56–71. (In rus).
12. Turovsky R.F. Settlement as a subject of local politics: theoretical foundations of research // Political science [Politicheskaya nauka]. 2019. N 2. P. 13–30. (In rus).
13. Filina V.N. Transport Strategy of Russia: basic principles and priority areas of infrastructure development // Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2005. N 2. P. 78–97. (In rus).
14. Fomin I.A. Quantitative signs of urban agglomerations // Urban planning. District layout. Urban agglomerations. Kiev, 1968. (In rus).
15. Shamakhov V.A., Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M. Reforming local self-government: the experience of the Baltic States and its significance for Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 1. P. 10–19. (In rus).

**About the authors:**

**Sergey L. Katanandov**, Head of the Department of State and Municipal Management of the North-Western Institute of Management of the RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); Special Representative of the Governor of St. Petersburg on the development of State construction and interaction with subjects of the Russian Federation, PhD in Philosophy, Associate Professor; katanandov-sl@ranepa.ru

**Nikolay M. Mezhevich**, Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

**Victor V. Solodilov**, Senior Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Geography; solodilov.55@mail.ru